

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Штольц

Штольц получил особенное, русско-немецкое, деловое воспитание. Формирование Штольца в борениях «русского» и «немецкого» идеала рисуется в романе как удачно, по случайному стечению обстоятельств, «поставленный» самой жизнью опыт, в результате которого возникла гармоническая и сильная личность деятельного склада. «Чтоб сложиться такому характеру, может быть, нужны были и такие смешанные элементы, из каких сложился Штольц. Деятели издавна отливались у нас в пять, шесть стереотипных форм, лениво... прикладывали руку к общественной машине и с дремотой двигали ее по обычной колее... Но вот глаза очнулись от дремоты, слышались бойкие, широкие шаги, живые голоса... Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!..» — восклицает писатель.

Важно заметить, что Штольц, как подчеркивается в романе, во многом похож на свою русскую мать и лишь закален и приучен к системе в труде строгим и методичным отцом-немцем. Поэтому Штольц понимает, что «в основании натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало», способен понять погубленные барскими привычками творческие задатки «этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца».

Если Обломов рисуется в романе как «итоговый», исторически уходящий, переживающий свои сумерки тип носителя дворянской культуры, то Штольц представляет людей новой эпохи, деятельных разночинцев, развивающих промышленность, содействующих перестройке русской жизни и ожидающих от этой перестройки блага для себя и для общества. За Штольцем не стоит многовековой уклад, ему не сопутствуют ни предания, ни традиции, ему не свойственны сомнения и не присущи противоречия. Это человек без прошлого. В настоящем же он располагает одним, но зато завидным преимуществом: умеет и любит трудиться, более того, труд, как он сам неоднократно говорит, — главное содержание его жизни. За ним не стоят, как за Обломовым, десятки поколений, которые «сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным». Сам Обломов если и признает какой-то труд, то только труд души. Что же до всякого другого, то тут он с наивной уверенностью в своем праве позволяет себе с гордостью заявлять, что «воспитан нежно... ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался». Но каков смысл жизни Штольца? Смог ли бы он ответить хотя бы себе на вопрос, поставленный в другом романе Гончарова — «Обыкновенная история»:

«...что было главной целью его трудов? Трудился ли он для общей человеческой цели, исполняя заданный ему судьбою урок, или только для мелочных причин, чтобы приобрести между людьми чиновное и денежное значение, для того ли, наконец, чтобы его не гнули в дугу нужда, обстоятельства?»

В этих вопросах заключается существо споров, возникших на страницах журнальной периодики 1850-х годов и не смолкающих сегодня.